

ШКИРИЯ

Традиция Даркле

На рубеже девятнадцатого и двадцатого веков в Риме с огромным успехом прошла премьера «Тоски». Музыка Пуччини была великолепна, либретто увлекательно. И все-таки во многом успех нового шедевра определила исполнительница главной партии Флорин Тоски — Хераклея Даркле, легендарное румынское сопрано. Это специально для нее Пуччини дописал к уже готовой опере знаменитую арию.

Прошли годы, и на подмостках оперных театров Румынии и десятков других стран, где звучали сильные и хорошо поставленные голоса румынских певцов, множилась слава традиции Даркле.

Румынские мастера оперной сцены и сейчас много гастролируют. В Уфе мы познакомились с постановками опер режиссера Боба Массини, помним светлый тембр и нечастое для басов верхнее соль Николая Флорея, певшего партию Мефистофеля в «Фаусте» и, конечно, выступления солистки бухарестской оперы Марии Шиндиляру, исполнявшей партии Чю-Чю-Сан и Маргариты («Фауст»).

И вот новая встреча с румынской певицей. На этот раз, кроме уже знакомой нам партии Маргариты, Шиндиляру показала роль Айды, трудную в отношении вокала и труднейшую, если говорить о ее сценическом воплощении. И именно поэтому в «Аиде» такими яркими красками вновь сверкнуло щедрое дарование певицы.

Достойная носительница традиций Даркле, Шиндиляру безукоризненно владеет голосом, который ровно и красиво звучит во всем диапазоне. У певицы выигрышная сценичная внешность и искренний, теплый дар до конца и по своему понять замысел композитора и донести до зрителя образ, обойдя лабиринт условностей оперной сцены. Это удается оперным певцам не часто, и потому такое сильное впечатление испытываешь от спектаклей с Шиндиляру.

Мы видели немало исполнительниц роли Айды, которые наделяли героиню то излишней робостью, то слишком бурным темпераментом, покрывая лицо гримом до колера шоколада или ограничиваясь



оттенком южного загара. Но трудно вспомнить артистку, которая была бы так последовательна и логична в раскрытии образа плененной эфиопской царевны и так естественно сочетала африканскую грацию, царственность и гордое смирение. Чем сложнее сцена, тем полнее раскрывается мастерство актрисы.

...Среди плененных эфиопов скрывается отец. Исчезло рабское повиновение, зажались глаза, сильная и гибкая, как пантера Шиндиляру—Айда смешалась с соотечественниками и разом включилась в притворные моления отца, деланно воздевая руки к Фараону. Но вдруг, как удар

грома, ее сразило известие о предстоящем браке Радамеса и Амнерис. На миг спрятавшись за спину отца, эфиопская царевна «вышла из образа» коварной притворщицы, казалось, всю ее разом сломила страшная боль, бессильно упала на грудь голова, в безысходном отчаянии опустились плечи... На берегу Нила жестокий отец швыряет дочь на землю с криком: «Ты мне не дочь, ты Фараона раба презренная!» Можно ли было тоньше передать горе Айды, чем сдвинутым рыданием на слове «пьята! (прости)»...

Выступление М. Шиндиляру в «Аиде» принесло ей блестящий успех именно потому, что

она перешагнула ту невидимую, но хорошо ощутимую грань, которая разделяет профессиональное мастерство и откровение в искусстве. Именно откровением можно было назвать созданный ею образ Айды.

По-прежнему с успехом выступила румынская певица и в уже знакомой уфимскому театру роли Маргариты. Особенно удались Шиндиляру трагедийные сцены двух последних актов.

Б. МИРКИН.

На снимке: после спектакля. Мария Шиндиляру и дирижер Гайнетдин Муталов.

Фото О. Полянского.